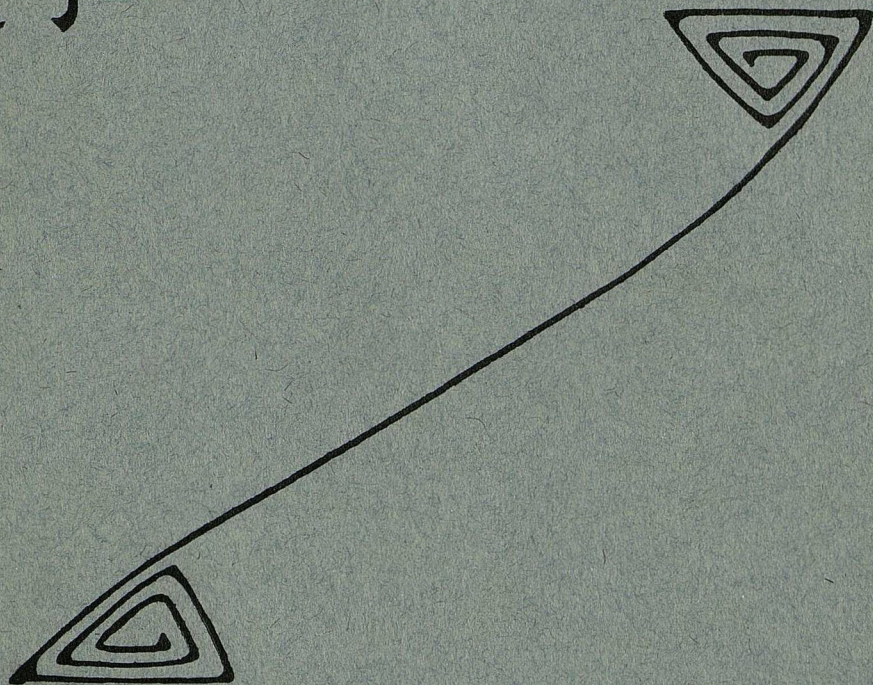

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 7.

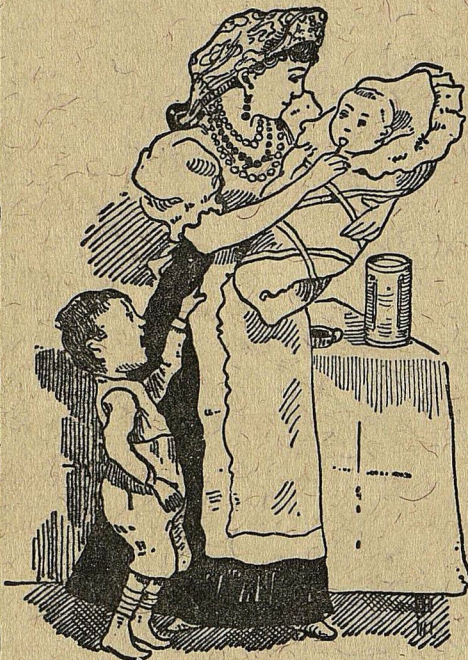
15 Апрѣля
1907 г.

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ ПИЩА

ФАБРИКИ ТОВАРИЩЕСТВА

„Р. КЁЛЕРЪ и К^о въ М ОСКВѢ“

не есть подражаніе общезвѣстнымъ питательнымъ препаратамъ для дѣтей, какъ молочная мука Нестле, мука Neaves'a, Mellin's food и т. п., а представляеть собой по новымъ научнымъ даннымъ составленный препаратъ, который былъ испытанъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, одобренъ и тамъ теперь введенъ въ употребленіе. Клиническія наблюденія, произведенныя весной и лѣтомъ сего года надъ „Дѣтской молочной пищей“, по свидѣтельству Главнаго Доктора Москв. Воспитательнаго Дома, Д-ра А. Н. Устинова, показали, что

„она легко переваривается и усваивается дѣтьми какъ старшаго, такъ и младшаго возраста, и въ особенности полезна для страдающихъ желудочно-кишечными расстройствами, такъ какъ при правильномъ употребленіи этой пищи, при строгомъ соблюденіи 4-хъ часовыхъ промежутковъ кормленія, отпаденія кишечника регулируются, у ребенка яляется спокойный сонъ, онъ не кричитъ и быстро прибываетъ въ вѣсь.“

Одно изъ преимуществъ „Кёлеровской дѣтской молочной пищи“ заключается еще въ томъ, что она уже сама содержитъ молоко въ достаточномъ количествѣ въ сухомъ видѣ и поэтому при пользованіи ею нѣтъ надобности прибавлять ее къ молоку, которое не всегда можно имѣть одинаково доброкачественное и отъ здоровой коровы.“

Столь же благоприятныя отзывы объ „Дѣтской молочной пищѣ“ даны Профессоромъ Военно-Медицинской Академіи Н. П. Гундобинымъ, Главнымъ Докторомъ Николаевской Дѣтской больницы въ С.-Петербургѣ Н. К. Вязлинымъ и другими врачами, производившими надъ этой молочной пищей наблюденія.

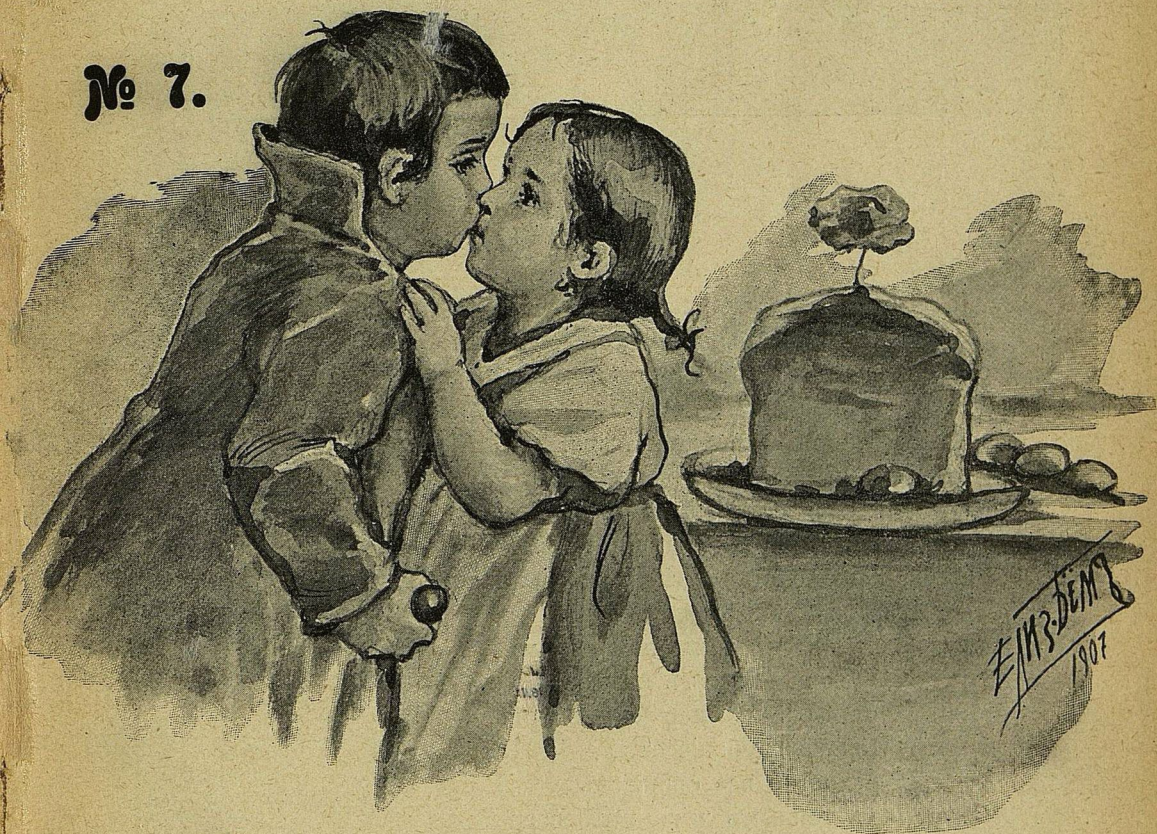
Рамки газетнаго объявленія не позволяютъ излагать какъ научныя основанія, на которыхъ выработанъ этотъ препаратъ, такъ и химическій его составъ, а равно приводить подробныя удостовѣренія испытавшихъ его врачей-специалистовъ. Все это имѣется въ подробномъ описаніи, составленномъ завѣдующимъ отдѣленіемъ питательныхъ веществъ фабрики Товарищества „Р. Кёлеръ и К^о въ Москвѣ“, изобрѣтателемъ этого препарата, докторомъ химіи К. Папе. Описание это раздается во всѣхъ магазинахъ Т-ва бесплатно.

Цѣна за фунтовую жестянку 1 руб. 20 коп.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 7.

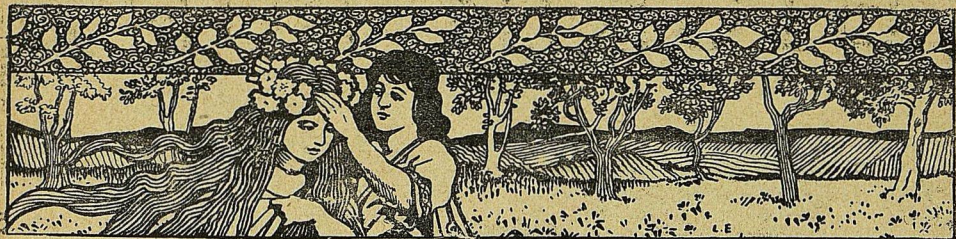

Веселая Душа Праздничкурада.

15 Апрѣля
1907 г.

Весна.

Весна—это утро природы,
Когда пробуждается все;
Весна—это дѣтскіе годы,
Любимое время мое.
Настанетъ цвѣтущее лѣто,
И хмурая осень придетъ,
И—саваномъ бѣлымъ одѣта—
Намъ стужа зима принесетъ.
Но робко подъ снѣжнымъ покровомъ
Таится притихшій ростокъ,
И въ блескѣ заманчиво-новомъ
Весной вырастаетъ цвѣтокъ.
Природа вѣдь смерти не знаетъ,
А только глубокіе сны,—
И радостно все оживаетъ
Подъ теплымъ дыханьемъ весны.
Весна—это утро природы,
Когда пробуждается все;
Весна—это дѣтскіе годы,—
Любимое время мое.

Петровъ-Леонидовъ.

Журавка.

Н. Н. Клинского.

I.

Среди темныхъ, густыхъ лѣсовъ и мелкихъ перелѣсковъ тянется на много верстъ огромное топкое болото, доступное для человѣка только въ зимнее время, когда морозъ вездѣ настелетъ свои крѣпкіе мосты. Въ лѣтнее время къ нему и подобраться трудно. Топкое заросшее камышомъ и осокою по краямъ, въ срединѣ оно становится значительно суше. Тамъ и сямъ выдѣляются небольшіе сухіе островки,

усѣянные кочками и покрытые разнообразной растительностью. Мѣстами сквозь тину и поросль проступаетъ вода небольшими лужичками, а мѣстами образуетъ цѣлыя озера причудливой формы.

Это болото излюбленное лѣтнее мѣсто пребыванія журавлей. Гнѣздясь на сухихъ островкахъ по его срединѣ, они защищены кольцомъ непроходимой топи и воды отъ лихихъ звѣрей и людей.

На одномъ изъ такихъ небольшихъ островковъ, густо заросшемъ осокою и камышомъ, на прекрасной, сухой, высокой кочкѣ помѣстилось гнѣздо стараго журавля Трубача, прозваннаго такъ за его громкій голосъ.

Болото спитъ. Майская короткая ночь близка къ разсвѣту, но кругомъ все еще сѣро, все покрыто туманомъ.

Журавлиха сидитъ на гнѣздѣ и сквозь одолевашую ее дремоту слышитъ, какъ мужъ уже собирается куда-то въ дорогу.

— „Куда это тебя, непосѣда, несетъ ни свѣтъ, ни заря?“—съ сердцемъ говоритъ она, вынимая голову изъ подъ крыла.

— „Дѣло есть. Вчера я обѣщался старику Кривоносу залетѣть за нимъ пораньше. Собираемся навѣстить сосѣднее становище и разузнать кое-что. Да оно не мѣшаетъ и крылья размять, а то засидѣлся я, все дома, да дома. Того гляди, летать разучишься“.

— „Смотри и впрямь не разучись. Придется тогда пѣшкомъ ходить“,—ворчала Журавлиха.—„А ты бы подумалъ прежде чѣмъ летѣть, какой день сегодня?“

— „День, думается, будетъ погожій“.

— „Погожій? Развѣ я про то... Забылъ что-ли? Съ часа на часъ надо нашимъ журкамъ повылупиться, а онъ въ дальній путь собрался. Хорошъ родитель. Для такого дня не мѣшало-бы тебѣ и дома посидѣть“.

— „Ладно, журки вылѣзутъ, ты и одна управишься. Тутъ я тебѣ плохой помощникъ, мѣшать только буду. Однако, летѣть надо, а то опоздаю. Прощай, жена; къ вечеру буду“.

Улетѣлъ журавль. Спрятала опять журавлиха голову подъ крыло, поплотнѣе усѣлась на гнѣздо и снова задремала.

А небо все свѣтлѣетъ и свѣтлѣетъ. Туманъ поднимается выше, дѣлается прозрачнѣе и пріобрѣтаетъ какой-то волшебный золотистый оттѣнокъ.

Спитъ журавлиха и видитъ сонъ. Снится ей, что она не одна на гнѣздѣ сидитъ, а съ двумя прехорошенькими журками. Вытя-

нули они головки свои, смотрятъ на нее и жалобно пищать: „ма-ма, ма-ма“...

Разстроилась журавлиха. Проснулась даже отъ огорченія, глядь, сонъ въ руку: подъ ней что-то въ гнѣздѣ копошится. Осторожно привстала журавлиха, а въ гнѣздѣ въ самомъ дѣлѣ скорлупки распались и двѣ маленькія журки въ желтенькомъ пушкѣ тѣсно сжались другъ съ другомъ и жалобно попискивали.

Радостная принялась журавлиха оправлять и очищать своихъ милыхъ дѣтокъ. Вычистила ихъ пушокъ, расправила безперья крылышки, повытянула ножки, а кстати полюбопытствовала, кого Богъ далъ—сыновей или дочекъ.

Это были сыночекъ Журавка и доченька Черношейка.

Не понравилось сперва журкамъ на Божьемъ свѣтѣ, и холодно и сыро. То ли дѣло въ прежней тепленькой, уютной квартиркѣ, свѣжіе обломки которой валялись еще въ гнѣздѣ. Правда, темновато тамъ было, но зато, какъ тепло и уютно.

Но вотъ показалоcь солнышко, стало замѣтно теплѣе, и весь туманъ, почти разомъ, поднялся и безъ слѣда разсѣялся въ согрѣтомъ воздухѣ. Журавка даже пискнулъ во все горло отъ восторга, отъ какого-то неиспытаннаго еще чувства восхищенія.

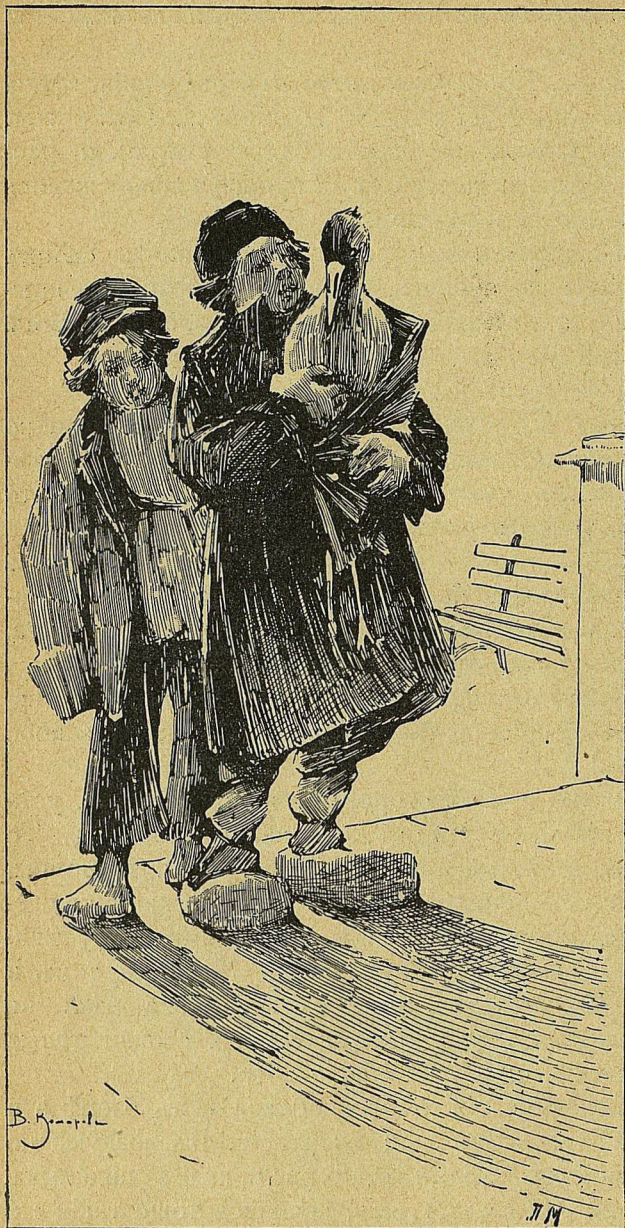
Чудная картина представилась его глазкамъ, впервые глядѣвшимъ на Божій міръ. Такъ хорошо, такъ величественно, такъ ново было то, что онъ увидѣлъ!

На далекое пространство во всѣ стороны тянулось болото, усѣянное кочками всевозможныхъ размѣровъ, но какими кочками... То заросшими свѣжими зелеными побѣгами камыша и осоки, то покрытыми бурымъ и красноватымъ бархатистымъ мхомъ, то, какъ кружевами, оплетенными причудливыми ползучими растеніями, то усѣянными голубыми, бѣлыми и желтыми цвѣточками. Мѣстами тамъ и сямъ проступала вода небольшими свѣтлыми пятнами, а мѣстами, словно зеркала въ причудливыхъ узорныхъ формахъ, стояли цѣлыя озера, ярко блестѣвшія теперь при свѣтѣ солнышка.

По небу плавно плыли большія бѣлыя облака и въ озерѣ эти облака тоже плыли и также мѣняли свои очертанія. Въ воздухѣ по всѣмъ направленіямъ носились цѣлыя стаи различныхъ водяныхъ птицъ, и въ озерѣ, во всемъ подражая имъ, носились тоже такія же стаи, также появляясь и исчезая.

Журавка такъ заглядѣлся на все это новое и интересное, что

не устоялъ на своихъ длинныхъ, но слабыхъ еще ножкахъ и вывалился изъ гнѣзда, запищавъ отъ испуга.

— „Ишь, какой шустрый“, — любовно замѣтила журавлиха. — „Однако, будетъ вамъ зѣвать по сторонамъ. Вы теперь, милыя дѣтки, не въ яичныхъ колыбелькахъ. Вамъ теперь пить-ѣсть надо, и самимъ надо учиться себѣ кормъ добывать“.

Журавка, какъ только мама заговорила объ ѣдѣ, почувствовалъ необыкновенный аппетитъ, и вмѣстѣ съ сестренкою, они разомъ раскрыли свои желтые широкіе рты и запищали.

— „Ма-ма... кушать“...

— „Тихе, тихе, что вы раскричались“, — улыбнулась журавлиха. „Сама знаю. Сейчасъ накормлю васъ, а вы все-таки поглядывайте, что я дѣлать буду; потомъ и сами себѣ

ѣду добывать научитесь“.

Подойдя къ ближайшей сосѣдней кочкѣ, журавлиха принялась

сдирать своимъ крѣпкимъ носомъ мохъ съ одной ея стороны. Тамъ подъ мокрымъ слоемъ кудряваго моха оказалось много жирныхъ сочныхъ червей. Надѣливъ дѣтокъ поровну этимъ лакомымъ кушаньемъ и закусивъ и самъ мимоходомъ, журавлиха занялась приведеніемъ гнѣзда въ порядокъ. Выкинула обломки скорлупы, намокшій и испачканный мохъ и настелила свѣжаго, сухого.

Послѣ этого она помогла журкамъ взобраться въ чистенькое гнѣздышко, гдѣ они, пригрѣтые солнышкомъ на сытый желудокъ, сладко задремали, тѣсно прижавшись другъ къ другу.

Нѣсколько разъ просыпались журки, нѣсколько разъ кормила ихъ мамаша и укладывала спать.

Сладко дремлетъ Журавкѣ, и глазъ открыть не хочется, но какой-то страшный шумъ и свистъ пугаетъ его и разгоняетъ его дремоту.

Громадный, пепельно-сѣрый журавль съ черной лоснящейся шеей, чернымъ хвостомъ и роскошно висячимъ назадъ султаномъ на головѣ, съ разлета тычкомъ усѣлся около кочки и проговорилъ:

— „А вотъ и я!“

— „Ага“,—замѣтилъ онъ новенькихъ журокъ.—„Вотъ они какіе уродки... Сыновья“?

— „Одинъ сынокъ, а та дѣвочка, дочка. Да ты посмотри, какая, вся въ бабушку“,—проговорила не безъ гордости журавлиха.

Журавль одобрительно тряхнулъ хохломъ и, прискакнувъ на одномъ мѣстѣ, прокричалъ кому-то такъ пронзительно, что Журавка и сестренка оба вздрогнули.

— „А у меня на дому съ прибылью!“

Въ отвѣтъ на этотъ возгласъ издали послышалось „поздравляю“ и въ скорости, раздвигая осоку между кочекъ, появился еще одинъ большой журавль, повидимому, уже старый, хотя и державшійся еще очень бодро.

Подойдя къ гнѣзду, гость внимательно осмотрѣлъ новопоявившихся журокъ и пошевелилъ ихъ зачѣмъ-то носомъ, какъ бы боясь ошибиться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Красное яичко.

Наступила темная, молчаливая ночь. На землѣ все притихло, притаилось, замерло... На небѣ не видно было звѣздъ, такъ оно было закутано рыхлыми облаками. Природа, притаивъ дыханіе, ожидала... Но люди не спали. На пригоркѣ, въ небольшой деревнѣ, выдѣлявшейся темнымъ пятномъ, свѣтилось каждое окно. Если заглянуть теперь въ эти избы, то видно, что здѣсь только что окончилась уборка. Все имѣло праздничный видъ: на полу были постланы половики, стѣны увѣшаны были новыми картинами, а передъ образами горѣли лампы. Спали только самыя маленькія дѣти. Большіе тихонько возились въ избѣ собираясь къ свѣтлой заутренѣ. Въ домѣ стараго дядька Семеныча тоже собирались въ церковь. Самъ Семенычъ, сѣдой и сгорбленный старичокъ со смѣшной косичкой на головѣ, былъ уже совсѣмъ готовъ. Онъ былъ въ новомъ подрясникѣ, и жиденькая косичка была расчесана и распущена по плечамъ.

Посреди комнаты стоялъ его сынишка Васька, съ гладко причесанными, еще мокрыми волосами.

„Скорѣй, скорѣй Васютка, говорилъ старый дядьчокъ, въ церкви-то дѣла еще много!..“

Когда они вышли, на небѣ было такъ же темно, только кое-гдѣ, въ самой глубинѣ, на минуту вспыхивала блѣдная звѣздочка, и опять гасла.

Поднялся вѣтеръ и молчавшая до того ночь оживилась. Старыя липы у дома размахивали вѣтвями, и что-то говорили между собой, шептали тревожно маленькіе кустики, низко склоняясь подъ налетавшимъ вѣтромъ. Внизу за пригоркомъ была рѣка. Днемъ Васька бѣгалъ туда, чтобы узнать не тронулся ли ледъ. Ледъ былъ уже рыхлый, мягкій и по немъ, во всѣ стороны, пошли широкія трещины, а сверху, точно налитая стояла вода. Пройдя немного, Васька и Семенычъ остановились и прислушались. Что то гудѣло, трещало и тяжело охало, тамъ, внизу. Семенычъ послушалъ, посмотрѣлъ, помахалъ рукою на рѣку и сказалъ: „тронулась!“

Что? закричалъ Васька, потому что вѣтеръ заглушалъ слова.

„Рѣка, говорю, тронулась,“ прокричалъ дьячокъ, размахивая руками, какъ крыльями, чтобы не поскользнуться.

Ну, теперь поидеть, братъ, повторилъ онъ, радостно улыбаясь. Весну, братъ, не остановишь!

Они стали уже подходить къ церкви, какъ вдругъ въ воздухѣ пронесся жалобный, тоскливый звукъ, слабый, почти заглушенный вѣтромъ.

Васька остановился.

У-у-у... пронеслось опять въ воздухѣ.

У-у-у откликнулся вѣтеръ и съ бѣшенствомъ налетѣлъ на молодые тополя. Тополя вздрогнули и согнулись. Тятка, это собака воетъ, у рѣки! закричалъ Васька, стараясь удержать отца за рукавъ.

Ну, ну! выдумалъ еще! Собака... Къ заутрени идетъ, а самъ о собакѣ думаетъ. Черезъ минуту, едва слышный вой опять донесся снизу.

Тятка, я пойду посмотрю. А, тятка! попросилъ онъ.

„Я тебя посмотрю, еще измокнешь весь, забылъ что-ли, что на клиросѣ будешь пѣть“.

„Тятка, вѣдь она потонетъ!“

Поговори еще, заворчалъ Семенычъ и взялъ Ваську за руку, чтобы онъ не подумалъ отъ него удрать.

Когда пришли въ церковь, Семенычъ торопливо направился къ алтарю, а Васька поплелся на клиросъ. Ему было не по себѣ. Что-то тревожное вошло въ его сердце и громко кричало о себѣ.

Васька не понималъ что, но чувствовалъ, что ему надо что-то сдѣлать. Онъ вышелъ на паперть и сталъ прислушиваться. Потомъ онъ подумалъ немного и быстро пошелъ внизъ, по скользкой дорожкѣ, спускавшейся къ рѣкѣ. Вскорѣ онъ опять услышалъ вой собаки. Скользя онъ побѣжалъ впередъ. Онъ уже слышалъ внизу рѣку, протекавшую подъ горой. Подойдя къ ней, Васька въ нерѣшительности остановился.

Рѣка вздулась и ледъ раскололся на множество кусковъ. Всѣ они кружились, стукались другъ о друга и плыли впередъ, разбиваясь и увлекая одинъ кусокъ за другимъ. Недалеко отъ берега, на небольшой льдинѣ Васька увидѣлъ маленькую собаченку. Это былъ еще щенокъ, бѣлый съ желтыми пятнами. Его отдѣляло отъ берега небольшое пространство, которое всякая собака не задумалась бы перепрыгнуть, но щенокъ былъ еще слишкомъ малъ и не рѣшался. Лыди-

на, на которую онъ попалъ застряла въ тихомъ мѣстѣ среди массы большихъ и маленькихъ льдинъ и медленно кружилась, то подплывая къ берегу, то снова отталкиваясь отъ него.

Собачка не знала, что дѣлать и отчаянно выла. Васька сталъ осматриваться. Щенокъ, завидѣвъ живое существо, обрадовался и сталъ громко визжать подползая къ самому краю.

Васькѣ ужъ не было страшно, вверху на горѣ звонили колокола, а здѣсь съ нимъ была собачка. Онъ нашелъ большую палку и сталъ толкать льдину къ берегу. Льдина не поддавалась и вмѣстѣ съ тѣмъ Васька видѣлъ, какъ обивались ея края и она становилась все меньше и меньше. Тогда онъ легъ на землю и ухватившись одной рукой за сукъ сталъ толкать льдину къ себѣ. Скоро она была уже близко. Васька вытянулся и ухватилъ рукою щенка. Когда поднялся на ноги, то былъ весь грязный и мокрый съ ногъ, до головы. Но ему было все равно. Улыбаясь и прижимая къ себѣ мокраго дрожащаго щенка, Васька побѣжалъ къ дому.

Домъ былъ запертъ, тамъ никого не было.

На крыльцѣ онъ нащупалъ лежащія въ углу мѣшки и положилъ на нихъ собачку.

Онъ собрался уже уходить, но щенокъ продолжалъ тихонько лаять, выть и все еще дрожалъ мелкой дрожью.

„Надо его накормить“, подумалъ Васька.

Но чѣмъ? Онъ тутъ вспомнилъ, что въ карманѣ у него есть крашеное яйцо, которое мать дала ему, что-бъ похристосоваться съ батюшкой. Яйцо разбилось и смялось. Все равно имъ нельзя теперь христосоваться. Васька очистилъ его, присѣлъ на корточки и скорчилъ все по кусочкамъ щенку. Щенокъ скоро пригрѣлся и задремалъ на мѣшкахъ. Васька вытеръ свои ноги и новую курточку и побѣжалъ къ церкви изо-всѣхъ силъ.—Тяжка увидитъ, что его нѣтъ на клиросѣ и ему достанется.

Когда онъ подошелъ къ церкви, она вся уже сіяла въ темнотѣ трепетными огнями плошекъ, поставленныхъ внизу и вверху и на колокольнѣ.

Колокола медленно и нерѣшительно гудѣли, будто спрашивали про что-то у темной ночи и у вѣтра. Въ церковь не спѣша набирался народъ, съ маленькими узелками въ рукахъ. Было тихо и грустно.

Служба еще не начиналась. Старый Семенычъ былъ въ алтарѣ. На клиросѣ толпились пѣвчіе, маленькіе ребята и взрослые мужики.

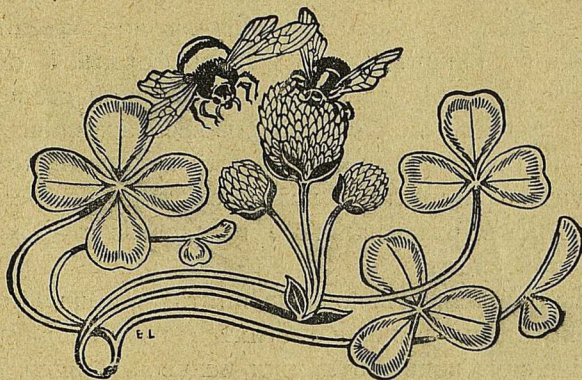
Всѣ молча, торопливо зажигали свѣчи и становились ближе къ выходу. Въ углу тихо колыхались хоругви. Поднимали иконы, готовясь къ крестному ходу. Двери были настежь растворены и въ нихъ врывался холодный ночной вѣтеръ, освѣжая лица.

Потомъ всѣ сразу заторопились и, толкаясь и наступая другъ-на-друга, со свѣчками въ рукахъ пошли вокругъ церкви.

„Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ“..... слабо донеслось съ паперти... Что-то сжалось въ груди у Васьки, несшаго впереди фонарь.

Онъ забылъ уже и мутную рѣку и своего спасеннаго щенка; ему было такъ хорошо!...

С. Рафаловичъ.

Праздникъ Хризантемъ.

По Пьеру Лоти.

Переводъ О. Петровой.

(Продолженіе).

Это — выставка цвѣтовъ. Тутъ цѣлыя коллекціи хризантемъ, настоящихъ, но имѣющихъ видъ искусственныхъ, восхитительныхъ хризантемъ, въ честь которыхъ назначенъ праздникъ, удивительныхъ хризантемъ, о которыхъ не могутъ дать и приблизительнаго понятія наши осенніе цвѣтники. Съ геометрической правильностью разсажены онѣ на грядкахъ, покрытыхъ нѣжнымъ шелковистымъ, словно-бы выглаженнымъ мхомъ. У cadaго растенія—прямой стебель, безъ развѣтвленій, на каждомъ стеблѣ — по одному цвѣтку. Но что за цвѣтокъ! Больше самаго большого изъ нашихъ подсолнечниковъ. И всѣ такихъ чудныхъ оттѣнковъ, такой рѣдкой формы! У одного широкіе и остроконечные лепестки расположены до такой степени правильно, что его можно принять за большой розовый артишокъ; сосѣдній съ нимъ цвѣтокъ похожъ на темно-бронзовый кудрявый кочанъ капусты; третій, наконецъ, яркожелтаго цвѣта съ тысячью мельчайшихъ тоненькихъ лепестковъ, разсыпанныхъ въ разныя стороны, похожъ на блестящій золотой снопъ.

Внимательно присматрѣвшись къ цвѣтамъ, можно понять, сколько труда потрачено на выращиванье этихъ гигантскихъ удивительныхъ растеній. Тамъ и сямъ видны подпорки, искусно прячущіяся въ листьѣ и поддерживающія стебель, погнувшійся подъ тяжестью слишкомъ большого цвѣтка; кое-гдѣ видна проволока, ущемляющая стволъ слишкомъ быстро развивающагося растенія, чтобы замедлить движеніе въ немъ соковъ.

Маленькія женщины-колибри съ снисходительнымъ разсѣяннымъ видомъ разсматриваютъ вмѣстѣ съ нами удивительныя коллекціи. Такъ какъ становится все жарче, онѣ безпрестанно открываютъ и закрываютъ свои роскошные вѣера, самые огромные изъ всѣхъ вѣеровъ на свѣтѣ, и энергично ими обмахиваются. Рисунки, набросанные на шелковой ткани этихъ вѣеровъ, представляютъ что-то туманное, расплывчатое: не то отраженіе водяныхъ капель въ облакахъ,

не то блѣдный свѣтъ зимней луны, или тѣнь полета невидимыхъ птицъ, дождь персиковыхъ лепестковъ, гонимыхъ апрѣльскимъ вѣтромъ.

Тутъ не надо долго застаиваться, говорятъ намъ; надо ити дальше, все дальше; смотрѣть другіе цвѣты, еще болѣе прекрасные; взобраться на тотъ вотъ холмъ, куда сейчасъ должна притти императрица.

И мы медленно подвигаемся по тѣнистымъ аллеямъ, подъ сводомъ высокихъ кедровъ, мимо большого зеленого пруда, полного цвѣтушихъ лотосовъ. Кедръ очень старъ, всѣ обросли мохомъ, свѣсившіяся внизъ вѣтки ихъ волочатся по землѣ. Это настоящій сельскій ландшафтъ; вотъ даже миниатюрныя рисовыя плантаціи, настоящія плантаціи, которыя, согласно древнему обычаю, Микадо долженъ косить собственноручно, когда настанетъ время уборки риса.

Площадка на холмѣ, куда насъ ведутъ, не что иное, какъ сплошная заросль розовыхъ хризантемъ. Мѣсто это восхитительно по своей тишинѣ и чарующему спокойствію. Отсюда открывается прелестный видъ на лѣсистыя окрестности дворца.

По сторонамъ цвѣтника, въ высокихъ кіоскахъ, завѣшенныхъ все тѣми же длинными шелковыми покрывалами съ бѣлыми цвѣтами-звѣздами, другая выставка цвѣтовъ. Здѣсь все искусственно, все разсчитано на эффектъ, и эффектъ этотъ достигается какимъ-то таинственнымъ, необъяснимымъ способомъ. Тутъ цвѣты растутъ группами, въ видѣ громадныхъ букетовъ, величиной съ дерево, но вмѣсто одного стебля, ихъ тутъ около сотни, въ величайшей симметріи расположенныхъ вокругъ центрального ствола; каждая вѣтка оканчивается огромнымъ, вполнѣ распустившимся цвѣткомъ, ни одного бутона, ни одного увядшаго цвѣтка; очевидно, все это, стоившее столько труда и искусства, должно поблѣкнуть и погибнуть въ одинъ и тотъ же день. И каждая изъ этихъ хризантемъ снабжена ярлыкомъ, на которомъ особыми письменами начертано ея названіе; ихъ можно прочесть на двухъ языкахъ — по китайски какъ и по японски. Вотъ эти названія: *десять тысячъ разъ осыпанная золотомъ, горный туманъ, осеннее облако...*

Уже четыре съ половиной часа. Императрица, однако, заставляетъ себя ждать. Уже начинаютъ поговаривать, что она совсѣмъ не покажется, и я чувствую тайное безпокойство: мнѣ такъ хочется ее видѣть! Я занимаю наблюдательный постъ на краю холма и всматри-

ваюсь въ даль тѣнистой аллеи, чтобы не пропустить кортежа, который долженъ пройти вдоль пруда съ лотосами.

Впрочемъ, тутъ довольно пріятно ожидать.

Въ густой зеленой чащѣ спрятаны два придворныхъ оркестра, которые играютъ поочередно. Пьесы исполняемыя ими, такъ же мало гармонируютъ съ окружающею насъ обстановкой, какъ и нашъ европейскій костюмъ. Все знакомые мотивы, преимущественно изъ итальянскихъ оперъ. Гдѣ мы находимся, въ самомъ дѣлѣ? Въ какой фантастической странѣ? Въ цвѣтникахъ, задрапированныхъ фіолетовымъ крепомъ съ императорскими гербами, среди огромныхъ, искусственно выращенныхъ осеннихъ цвѣтовъ; громко шурша ослѣпительно яркимъ шелкомъ своихъ нарядовъ, двигаются странныя маленькія фигурки съ огромными вѣерами...

Солнце склоняется къ западу; садъ окутанъ золотистымъ свѣтомъ, розовымъ вечернимъ сумракомъ...

Въ толпѣ раздается шумъ и движеніе, затѣмъ все сразу смолкаетъ. Оркестръ замираетъ, не окончивъ пьесы, затѣмъ всѣ инструменты сразу подхватываютъ японскій религіозный гимнъ, медленный, мрачный, полный какой-то таинственной торжественности, словно предназначенный для привѣтствія сверхъестественнаго существа.

А тамъ, въ концѣ аллеи, куда я гляжу не переставая, двигается что-то яркое, блестящее. Въ глубинѣ прозрачной зеленой дали, озаренной красноватыми лучами вечерняго солнца, медленно шествуетъ процессія пестро одѣтыхъ женщинъ. Яркимъ пятномъ выдѣляются онѣ на темномъ фонѣ старыхъ кедровъ, а поверхность пруда отражаетъ, смягчая оттѣнки, фіолетовые и оранжевые, голубые и желтые, зеленые и пурпуровые цвѣта ихъ фантастическихъ костюмовъ.

Я до конца жизни не забуду этой картины. Все остальное, видѣнное мною изъ японской фантасмагоріи, ступается, исчезнетъ изъ памяти,—эта картина никогда. Онѣ еще очень, очень далеко отъ насъ и съ нашей возвышенности кажутся намъ совсѣмъ маленькими, какъ куклы. По обѣ стороны головы у нихъ что-то вродѣ черныхъ крыльевъ, — это ихъ напомаженные и вѣеромъ зачесанные волосы. Цвѣтные зонтики, которыми онѣ закрываютъ лицо, отливаютъ всѣми оттѣнками, подобно ихъ одеждѣ. Та, что идетъ впереди, одѣта въ фіолетовый киримонъ, украшенный бѣлыми букетами, очевидно хризантемами. Это она, императрица.

Шествіе все приближается къ намъ. Вотъ онѣ подошли къ под-

ножію холма, сейчасъ будутъ подниматься. Теперь я не вижу ничего, кромѣ верхушекъ ихъ зонтиковъ, за которыми прячутся лица, и кончиковъ крошечныхъ красныхъ туфель, мелькающихъ изъ-подъ тяжелыхъ киримоновъ. Я уже слышу шелестъ ихъ шелковыхъ одеждъ. А оркестръ, спрятанный въ бамбуковой заросли, продолжаетъ, замирая, привѣтственный гимнъ.

Прежде, чѣмъ приступить къ описанію наружности императрицы, попробую рассказать объ ея свитѣ. Костюмы придворныхъ дамъ отличаются простотой и оригинальностью. Широкія складки тяжелой шелковой топорщащейся матеріи придаютъ имъ какой-то безформенный видъ. Трудно опредѣлить изъ чего состоитъ ихъ одежда. Это какъ бы двѣ сборчатые красныя шелковыя юбки, по одной на каждой ногѣ. Ихъ киримонъ съ необычайно длинными и широкими рукавами-пагодами начинается сверху одной боковой складкой, доходящей до полу.

Эти юбки - шаровары у всѣхъ одного цвѣта—краснаго, подобно туфлямъ (согласно придворному этикету). Киримоны-же, наоборотъ, отличаются самой разнообразной краской. И что за удивительные оттѣнки! Амарантовый, янтарный, бирюзовый, зеленый съ мѣднымъ отливомъ, гранатовый, какъ бы пылающій огнемъ. И цѣлая масса другихъ неуловимыхъ оттѣнковъ, не поддающихся описанію цвѣтовъ. По ослѣпительно яркому или блѣдному, словно выцвѣтшему фону киримоновъ разбросаны широкіе правильной формы узоры, вѣрнѣе пятна, напоминающія большіе глаза на крыльяхъ бабочки, всѣ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ и формы, но расположенныя необыкновенно симметрично. Вглядѣвшись попристальнѣе, мы различимъ птицъ съ развернутыми въ формѣ круга крыльями; ужасныхъ чудовищъ, свернутыхъ спиралью съ головой по срединѣ; или зеленые листья, расположенные въ формѣ чашечки цвѣтка, — все это гербы старинныхъ дворянскихъ фамилій.

А эта удивительная прическа, не напоминающая ни одну изъ обыкновенныхъ женскихъ причесокъ! Склеивъ волосы особымъ составомъ, онѣ сооружаютъ изъ нихъ нѣчто, напоминающее очень широкій и плоскій чепчикъ и оканчивающееся длинной косой.

Императрица совсѣмъ близко, она сейчасъ должна пройти мимо насъ. Мы всѣ отвѣшиваемъ ей низкіе поклоны; японскіе сановники сгибаются чуть не до земли. Большой фіолетовый зонтикъ, восхитительно расшитый выпуклыми хризантемами, приподнимается, и я ее вижу наконецъ. Ея маленькое нарумяненное лицо поражаетъ и въ то же время чаруетъ меня.

Она восхитительна со своимъ взглядомъ безпристрастной богини, смотрящимъ внутрь. Восхитительны ея узкіе полуоткрытые глаза, похожіе на щелки, съ тонкими линиями черныхъ бровей. Холодная, безъ всякаго выраженія, улыбка скользитъ по ея ярко раскрашеннымъ губамъ, обнаруживая мальнкіе безукоризненно бѣлые зубы. У нея тонкій прозрачный носъ съ горбинкой и немного выдающійся впередъ подбородокъ.

Костюмъ императрицы не отличается отъ одежды придворныхъ дамъ. Только по цвѣту зонтика и по пятнамъ на киримонѣ можно узнать, что это—императрица. Однако, я и безъ этого узналъ бы ее въ толпѣ придворныхъ, по той особой чарующей прелести, свойственной ей одной.

Она мала ростомъ и, такъ какъ широкія складки киримона падаютъ отъ плечъ до самаго пола, фигуру ея невозможно разсмотрѣть. Рука ея, держащая зонтикъ—совсѣмъ дѣтская ручка. На видъ ей не больше двадцати пяти-двадцати восьми лѣтъ.

Въ первомъ ряду около нея, одѣтая почти въ такой же костюмъ, идетъ г-жа **Низма**, переводчица.

Она составляетъ разительный контрастъ съ императрицей. Насколько та холодно-безпристрастна, настолько эта подвижна и оживлена. Императрица идетъ съ застывшей безжизненной улыбкой на лицѣ, отвѣчая едва замѣтнымъ кивкомъ головы на униженные поклоны распростертыхъ у ея ногъ людей, которыхъ она почти и не замѣчаетъ. Низма же, видимо, интересуется всѣмъ окружающимъ: она поворачиваетъ голову направо и налево, быстрымъ проницательнымъ взглядомъ осматриваетъ приглашенныхъ.

Въ толпѣ женщинъ, безмолвно слѣдующихъ за императрицей, есть нѣсколько поразительно безобразныхъ, но нѣтъ ни одного отталкивающаго или пошлаго лица: всѣ носятъ отпечатокъ какого-то благородства. Лица ихъ бѣлы и розовы, благодаря густому слою различныхъ косметикъ, но можно догадаться, что подъ этимъ искусно наложеннымъ гримомъ должна быть бѣлая, нѣжная кожа.

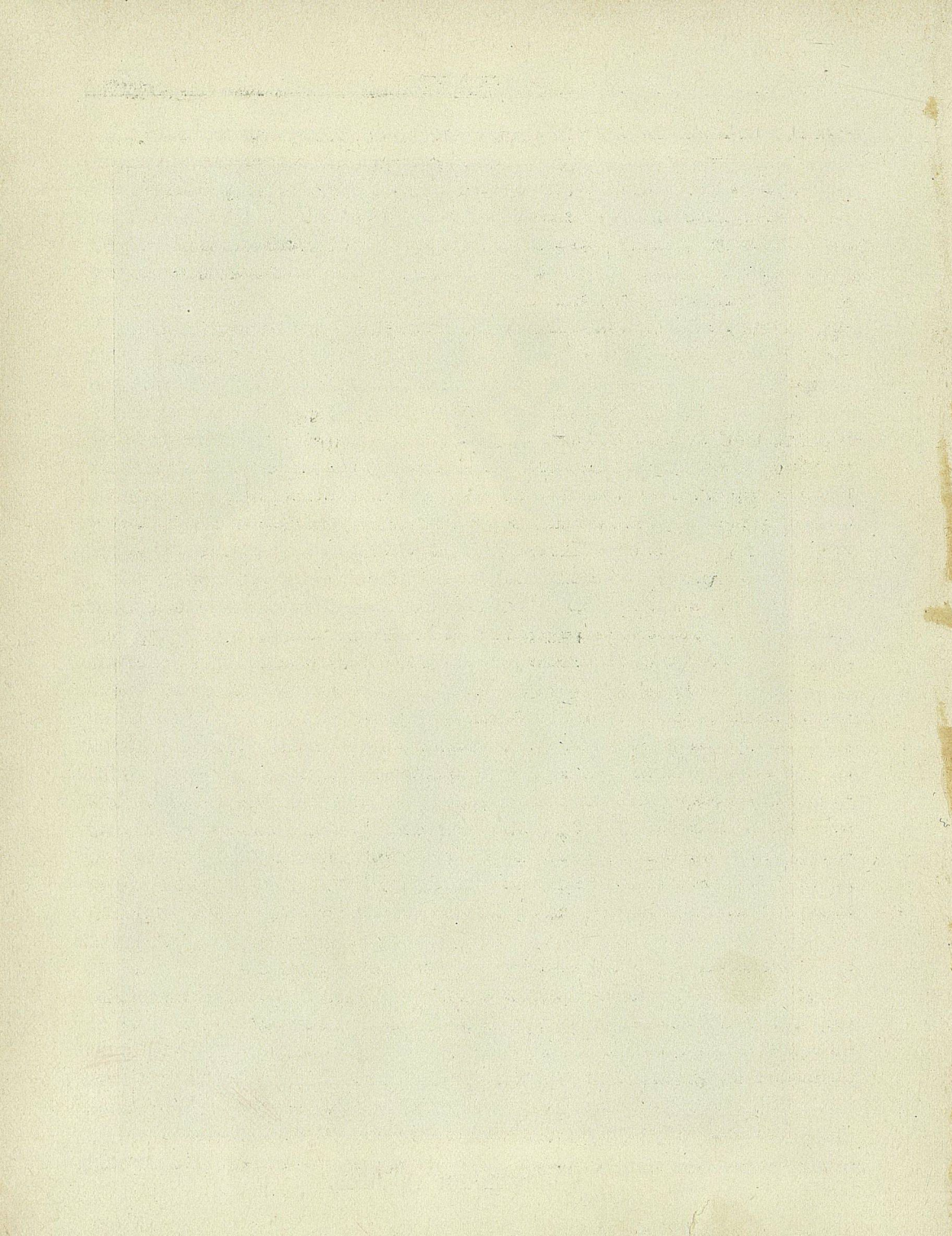
Маленькій кортежъ быстро промелькнулъ мимо насъ. Онѣ должны, говорятъ намъ, обойти грядки съ хризантемами, по внутреннимъ аллеямъ, нарочно для нихъ устланнымъ циновками. Я спускаюсь съ холма, по маленькой тропинкѣ пересекаю лужайку и подхожу къ цвѣтнику съ другой стороны, чтобы еще разъ увидѣть императрицу. Она опять проходитъ мимо меня, слегка коснувшись меня

Маленькая прачка.

своимъ киримономъ. Теперь она улыбается привѣтливѣе, хотя улыбка, ея не относится ни къ кому въ отдѣльности. Она радуется, вѣроятно, прекрасному осеннему дню, яркому солнцу, чуднымъ хризантемамъ, распустившимся въ ея цвѣтникѣ.

Въ этой сторонѣ, куда онѣ идутъ, есть большой кіоскъ, тоже задрапированный фіолетовымъ крепомъ съ императорскимъ гербомъ толстыя колонны, обвитыя мохомъ съ воткнутыми въ него живыми хризантемами, поддерживаютъ эту красивую драпировку. Очевидно, мы должны войти въ этотъ кіоскъ вмѣстѣ съ императрицей и ея свитой.

Тамъ подъ шелковымъ пологомъ, накрытъ столъ на сорокъ приборовъ. Сервировка вполне европейская: прекрасное столовое бѣлье, серебро, дорогой хрусталь. На столѣ разставлены холодные напитки, фрукты, шербетъ, цвѣты въ вазахъ. Императрица садится на высокое сѣдалище, задрапированное красной тканью; принцессы разсаживаются вокругъ нея; потомъ мы, приглашенные, занимаемъ мѣста, кто гдѣ вздумаетъ. Оркестръ мѣняетъ заунывный маршъ на веселую итальянскую мелодію. Изъ глубины кіоска вдругъ появляется множество маленькихъ желтолицыхъ фигурокъ въ черныхъ и красныхъ ливреяхъ и, легкія, какъ птицы, начинаютъ суетиться вокругъ насъ: разрѣзываютъ фаршированныхъ фазановъ, наливаютъ вино, разносятъ замороженный пуншъ, желе, пирожное, печенье.

Съ того мѣста, гдѣ я сижу, императрица видна прямо, еще болѣе блѣдная и таинственная въ полумракѣ, набрасываемомъ фіолетовой драпировкой. Лицо ея, однако, оживилось. Она, кажется, начинаетъ интересоваться окружающимъ. Кончиками крошечныхъ пальчиковъ она время отъ времени дѣлаетъ видъ, что беретъ вилку, чтобы зацѣпить конфетку, или прикасается своими неестественно красными губами къ краешку бокала съ шампанскимъ. Иногда, когда что-нибудь неуловимое для меня, ее удивляетъ или раздражаетъ, выраженіе лица ея вдругъ мѣняется: улыбка остается, но маленькій орлиный носикъ нервно морщится; взглядъ становится ироническимъ, или гнѣвнымъ, жестокимъ; глазами, метающими молніи, она отдаетъ быстрыя приказанія. Въ эти мгновенія она становится еще болѣе обаятельной, болѣе женщиной.

Г-жа Ниэма, придворная переводчица, обязана въ теченіе обѣда подвести поочередно къ креслу императрицы европейскихъ дамъ, присутствующихъ на торжествѣ. Стоя передъ ней въ почтительной

позѣ, онѣ выслушиваютъ вопросы, которые предлагаетъ имъ императрица едва слышнымъ голосомъ.

Г-жа Ниэма переводитъ ихъ по французски съ какимъ то удивительнымъ акцентомъ. Это поразительно наивные вопросы. Такъ, думается мнѣ, должны разговаривать феи съ смертными, дерзнувшими проникнуть въ ихъ обиталище.

„Императрица спрашиваетъ, нравится ли Вамъ Японія?“

„Императрица спрашиваетъ, какъ Вамъ понравились цвѣты нашихъ садовъ?“

„Императрица желаетъ Вамъ счастливаго пребыванія въ ея странѣ“.

Боже мой! Но о чемъ же другомъ могутъ говорить между собой эти женщины различныхъ національностей, не имѣющія ни единой точки соприкосновенія ни въ области понятій, ни въ области чувствъ, привычекъ? Впродолженіе бесѣды съ лица императрицы не сходитъ любезная, нѣсколько лукавая улыбка; она въ то же время внимательно, съ чисто женскимъ любопытствомъ разглядываетъ костюмъ представляющей ей дамы. Затѣмъ, легкимъ кивкомъ головы, отъ котораго колеблются черныя крылья ея прически, императрица отпускаетъ даму, а г-жа Ниэма, шурша шелковымъ кириномъ, идетъ за слѣдующей.

Между тѣмъ теплый воздухъ постепенно свѣжѣетъ; осенній вѣтерокъ, колебля шелковыя занавѣси, пробирается внутрь кіоска; становится холодно. Впрочемъ, пиршество приближается къ концу. Вставъ изъ-за стола, императрица раскрываетъ свой фіолетовый зонтикъ, хотя сейчасъ нѣтъ никакого солнца, и снова принимаетъ свой безстрастный видъ холодной неприступной богини. Окруженная своею блестящею свитой, подъ звуки того же торжественнаго марша, медленно шествуетъ она по длинной аллеѣ, окоймленной темными кедрами.

Завтра императорскіе сады откроются еще разъ: всѣ высшіе сановники Іеддо явятся сюда послѣ насъ взглянуть на хризантемы, уже не такія свѣжія, какъ сегодня, будутъ обѣдать за тѣмъ же столомъ. Все будетъ то же, не будетъ только императрицы. До праздника вишневыхъ деревьевъ, въ апрѣлѣ будущаго года, ее болѣе не увидятъ.

Мы еще нѣсколько минутъ любуемся ею и ея свитой. Смотри издали на всѣхъ этихъ женщинъ въ разноцвѣтныхъ киримонахъ, съ

длинными пагодообразными, правильно съ обѣихъ сторонъ ниспадающими до земли, кажется, будто это—стая великолѣпныхъ вечернихъ бабочекъ не могутъ черными головками и опущенными крыльями.

Оркестръ оборвавъ японскій гимнъ, который онѣ теперь не могутъ слышать, почти не останавливаясь, начинаетъ какой-то веселый плясовой мотивъ. Всѣ сразу чувствуютъ себя свободнѣе. Начинаются громкіе разговоры. Мужчины, японскіе сановники и европейскіе дипломаты принимаются опустошать буфетъ, требуя еще разъ всѣхъ уже отвѣданныхъ яствъ и питей. И маленькіе лакеи въ красныхъ жилетахъ приносятъ въ изобиліи, всего, что у нихъ спрашиваютъ: шампанскаго, мороженнаго, ликеровъ; предлагаютъ даже великолѣпныя сигары.

Какъ хороши въ этотъ вечерній часъ сады Акасабы! Сквозь розовую дымку вечерняго сумрака, испещренные пятнами свѣта и тѣни, они производятъ впечатлѣніе чего-то волшебнаго. Въ темной чашѣ кедровъ едва мелькаютъ фіолетовыя драпировки кіосковъ, а въ освѣщенныхъ частяхъ парка, на возвышенностяхъ и открытыхъ полянахъ, деревья съ красной и фіолетовой листвою принимаютъ еще болѣе фантастическій оттѣнокъ.

Попавъ въ глубь темной аллеи, куда скрылась императрица, косые лучи солнца еще разъ освѣщаютъ процессію яркимъ пурпурнымъ свѣтомъ. Это послѣднее прощанье. Вскорѣ свѣтъ начинаетъ меркнуть, а спрятавшаяся за поворотомъ аллеи императрица съ своей свитой исчезаетъ навсегда.

Мы тоже спѣшимъ уйти изъ этихъ садовъ, полныхъ ночной мглы и свѣжести. Въ узкихъ дворцовыхъ корридорахъ, черезъ которые приходится проходить, совершенно темно: ихъ не позаботились освѣтить. Въ сѣняхъ, гдѣ мы оставили верхнюю одежду, происходитъ обычная въ такихъ случаяхъ толкотня и суматоха. Нѣсколько фрейлинъ, еще въ парадныхъ придворныхъ костюмахъ, находятся тутъ же; но въ ихъ манерахъ нѣтъ уже ничего торжественно официальнаго; съ исчезновеніемъ императрицы, онѣ сдѣлались живыми людьми,—смѣются, раскланиваются, болтаютъ съ американской непринужденностью,—пожимаютъ руки знакомымъ.

Усѣвшись въ экипажъ, мы проѣзжаемъ снова черезъ темныя ворота въ толстой сѣрой стѣнѣ, и наконецъ выѣзжаемъ за черту императорскихъ владѣній.

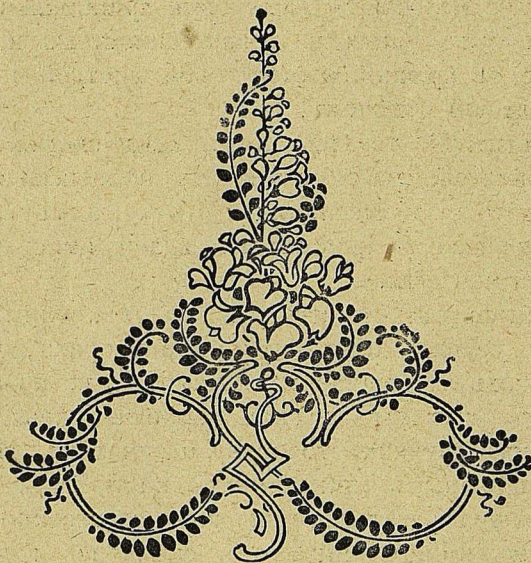
Вокругъ стѣны Акасабы Іеддо загорѣлся тысячею яркихъ огней.

Сильнѣе, чѣмъ прежде, кипить на его улицахъ праздничное оживленіе.

Цѣлый часъ несемъ мы сломя голову, пока наконецъ не останавливаемся у вокзала. По дорогѣ впечатлѣнія чередуются одно съ другимъ: тутъ и старая Японія, сохранившая свою самобытность, и новая Японія съ своимъ подражаніемъ Европѣ: съ своими трамваями, электрическими звонками, шляпами котелками, европейскими костюмами.

Все это мелькаетъ мимо меня, не задерживая надолго вниманія. У меня все еще носится передъ глазами образъ императрицы и ея свиты, все еще видится блестящая процессія подъ темными кедрами, озаряемая багряными лучами заходящаго солнца.

Сказка о трудѣ.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

„Итакъ“, обратилась тетя Рика къ сидѣвшимъ вокругъ нея племянникамъ и племянницамъ, которымъ она замѣняла умершую мать, „я расскажу вамъ сказку, которая еще осталась у меня въ памяти“.

Жилъ нѣкогда человѣкъ, который всю свою жизнь ничего не дѣлалъ. Онъ только ѣлъ, пилъ, спалъ и гулялъ, да впрочемъ ему и не нужно было трудиться, чтобы заработать себѣ на хлѣбъ, такъ какъ денегъ у него было вдоволь.

Въ одно сумрачное зимнее утро, когда на дворѣ еще было совсѣмъ темно и очень холодно, онъ проснулся. Но онъ не собирался вставать, такъ какъ ему нечѣмъ было заполнить цѣлый день. Черезъ висѣвшія на окнахъ его спальни занавѣсы онъ видѣлъ мрачное небо, а черезъ открытую дверь его манила къ себѣ уютная столовая. Изъ своей постели онъ имѣлъ возможность видѣть висѣвшія на окнахъ красивыя занавѣсы; въ красивыхъ изразцовыхъ печахъ, только что затопленныхъ заботливой прислугой, ярко пылалъ огонь, а на столѣ стоялъ приготовленный завтракъ.

Въ печахъ трещали угли, а на спиртовкѣ вода въ чайникѣ пѣла свою монотонную пѣсню. О, какъ хорошо было проснуться въ такой уютной обстановкѣ! И лежа въ постели, этотъ человѣкъ думалъ о томъ, какъ вкусны будутъ эти свѣжія поджаристыя булочки со свѣжимъ масломъ и ароматнымъ чаемъ. Онъ подложилъ руки подъ голову и устремилъ свой взоръ въ пространство, все еще не рѣшаясь подняться. Онъ испытывалъ чувство осла между двумя связками душистаго сѣна, который не могъ рѣшить съ которой начать. Въ постели было такъ тепло, а подъ теплымъ одѣяломъ можно было такъ хорошо потягиваться и нѣжиться! Но и недурно будетъ, когда онъ поднимется, завернется въ свой теплый халатъ, всунетъ ноги въ мягкія войлочные туфли, усядется въ свое удобное кресло и начнетъ потягивать маленькими глоточками чай.

Онъ только что собирался предпринять какое-то рѣшеніе, какъ вдругъ раздался чей то внятный голосъ:

„Такой лѣнтяй среди такой массы труда“!

Онъ сразу поднялся на постели, не понимая откуда раздались эти слова.

Въ комнатѣ никого не было. Угли издавали трескъ, а вода въ чайникѣ кипѣла; занавѣсы спадали внизъ тяжелыми складками; печь блестѣла, а скатерть блестящимъ бѣлымъ пятномъ выдѣлялась изъ окружающей ее темной обстановки.

„Мнѣ это только померещилось“, сказалъ самому себѣ человѣкъ и, утомленный этимъ быстрымъ вставаніемъ и напряженіемъ слуха, онъ снова опустилъ голову на бѣлую въ красивой наволочкѣ подушку.

Но не прошло и полъ-минуты, какъ онъ снова услышалъ тотъ же голосъ: „Такой лѣнтяй среди такой массы труда!“—Но теперь онъ сразу понялъ, откуда раздался этотъ голосъ. Этотъ голосъ принадлежалъ висѣвшимъ на его окнахъ занавѣсамъ. Онъ только что собрался подняться съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть, не спрятались ли кто-нибудь тамъ, какъ вдругъ изъ-за занавѣсъ въ столовой низкій голосъ отвѣтилъ: „Да, онъ страшный лѣнтяй!“

Затѣмъ, казалось, кто-то изъ печки воскликнулъ: „Какой позоръ!“ И среди треска горящихъ угольевъ ясно раздались слова: „Такая масса труда для такого бездѣльника!“

Хлѣбъ и масло также заговорили. Вся комната была полна звуковъ, такъ какъ всѣ предметы сразу получили способность рѣчи.

Другой, можетъ быть, испугался-бы всего этого, но лѣнивому человѣку никогда не приходилось слышать, какъ говорятъ окружающіе его предметы, и онъ рѣшилъ, что должно быть очень интересно подслушать когда нибудь ихъ разговоръ.

„О, заговорили занавѣсы, если хоть разъ подумать надъ тѣмъ съ какимъ трудомъ насъ воспроизвели на свѣтъ, то станетъ понятно, какъ позорно для насъ служить этому бездѣльнику защитой отъ лѣшняго солнца и зимней стужи. Какая масса людей работала надъ нами и какъ надрывались они всѣ надъ этой работой! И вотъ теперь на насъ смотритъ такой бездѣльникъ. Мы не можемъ долѣе молчать и должны громко спросить: справедливо-ли, чтобы весь этотъ трудъ потраченъ былъ для такой цѣли?“

„Чтобы создать насъ, нужно было прежде всего снять съ овецъ шерсть, затѣмъ вытянуть эту шерсть въ длинныя нитки и выткавъ изъ нихъ матерію, изъ которой мы сдѣланы; матерію эту ткали на фабрикѣ, гдѣ безпрестанно стучать машины, гдѣ воздухъ наполненъ

мелкой шерстяной пылью, которой рабочіе дышатъ и отъ которой они становятся все блѣднѣе и блѣднѣе. О, когда вспоминаешь, что изо дня въ день раздается грохотъ машинъ, что изо дня въ день рабочіе слышатъ только этотъ однообразный шумъ, что имъ изо дня въ день приходится дѣлать одну и ту-же работу и дышать этимъ наполненнымъ шерстяной пылью воздухомъ, тогда, о, тогда хочется плакать, что вся эта работа дѣлалась только для него, для этого лежебоки“!

„Замолчите-же, наконецъ, крикуны“! раздался сердитый голосъ печки. Когда послушаешь васъ, то можно думать, что только ткачамъ приходится работать. А я считаю еще большимъ позоромъ для себя горѣть для этого бездѣльника. Знаете-ли вы, какъ тяжело пришлось трудиться, чтобы создать меня? Знаете-ли вы, изъ чего я сдѣлана? Изъ желѣза и стали. Я могла бы цѣлыми часами рассказывать о той работѣ, которая была затрачена на меня. Желѣзо, изъ котораго я сдѣлана, пришлось добывать въ рудникахъ, и долго пришлось разбивать твердую землю, прежде чѣмъ нашли его. Чтобы вытащить добытое желѣзо на поверхность земли, люди работали такъ, что потъ ихъ прошибъ и жилы на рукахъ ихъ вздулись; они стучали такъ долго, что руки ихъ начали дрожать, а спина горѣть; затѣмъ, желѣзо переходило въ плавильную печь, гдѣ огонь былъ такъ силенъ, что, по сравненіи съ нимъ, горящій во мнѣ огонь кажется мнѣ слабымъ. И этотъ жаръ приходилось переносить людямъ. Они должны были раздувать уголья; имъ приходилось работать почти голыми, и при этомъ они вдыхали горячій воздухъ. Наконецъ, желѣзо было готово, но теперь предстояло еще обработать его.

„Сильные люди должны были ковать и раскатывать желѣзо. О, на меня падало безчисленное количество капель пота; капли пота кузнеца, который ковалъ; капли пота ученика, который раздувалъ мѣхи. Очень много людей изъ разныхъ странъ должны были работать, что бы приготовить меня. Корабли привезли это желѣзо, изъ котораго я сдѣлана, сюда. Волны морскія несли меня, лошади тащили меня, а для кого?... для этого валяющагося въ своей постели бездѣльника“!

„Да, да“, угрюмо трещатъ угли, „для этого лежебоки! Должны-ли мы позволять ему жечь насъ? Должны-ли мы превращаться для него въ дымъ? Вотъ вы, занавѣсы, и ты, печь, жалуетесь, а вѣдь вы живете куда дольше меня. Но мы исполняемъ нашъ долгъ, сгорая и

превращаясь въ золу, сажу и дымъ! Нужно было много, очень много работать, прежде чѣмъ мы сдѣлались способными отвѣчать нашему назначенію, и вотъ мы согрѣваемъ такого лѣнтяя, такого бездѣльника“!

Угли замолкли на короткое время, а затѣмъ продолжали.

„Много тысячелѣтій тому назадъ мы представляли изъ себя цѣфты и постепенно мы превратились въ камень. Для такого превращенія понадобилось много времени. И мы мирно дремали въ глубинѣ земли, пока насъ не открылъ человѣкъ. Онъ прокопалъ тогда подземные ходы, и трудно думать, чтобы кто-либо видѣлъ болѣе тяжелый трудъ, чѣмъ мы. Люди проникли глубоко въ землю, чтобы вывести насъ наружу. Къ намъ прилипло, вѣроятно, еще больше поту, чѣмъ къ желѣзу. Чтобы добыть насъ, мужчины, женщины и дѣти принуждены были работать въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они почти задыхались; бѣдныя лошади были навсегда лишены изъ-за насъ дневного свѣта. Мы можемъ рассказать вамъ о наводненіяхъ и ужасныхъ непогодахъ. Мы явились изъ царства тьмы и нужды. И люди, вынесшіе насъ на поверхность земли, не дышали шерстяной пылью и горячимъ воздухомъ плавильныхъ печей, а вдыхали угольную пыль и вредные газы. Они проводили большую часть своей жизни подъ землей; о, мраченъ и не веселъ тотъ міръ, о которомъ мы можемъ; вамъ рассказать, и много и тяжело пришлось поработать, прежде чѣмъ мы вышли на свѣтъ Божій. А теперь мы должны сгорать для такого лѣнтяя!

Нужно-ли было такъ тяжело работать, добывая насъ?

Угли издали трескъ, похожій на вздохъ и замолчали. Вода въ чайникѣ прекратила свое пѣніе; молча слушали всѣ предметы въ обѣихъ комнатахъ, и лѣнтяю въ его постели сдѣлалось такъ жутко, что онъ, собственно говоря, обрадовался, когда услышалъ, что вода въ чайникѣ заговорила:

„А думаете-ли вы, что мнѣ пріятно кипѣть для этого бездѣльника? Вы думаете, что мнѣ пріятно сознать, что весь трудъ, потраченный на меня, превращается въ ничто, благодаря тому, что я должна кипѣть и пѣть для него? Сколько нужно было работать, чтобы очистить меня! По цѣлымъ днямъ и ночамъ нужно было работать съ насосами, и вотъ теперь онъ пьетъ меня! И что онъ дѣлаетъ, этотъ бездѣльникъ“?

„Что-же мнѣ приходится сказать“?. плакался чай въ своей ко-

робкѣ. Я прибылъ изъ Индіи. Темнокожимъ людямъ приходилось работать надо мной въ палящей жарѣ, а потомъ мнѣ пришлось совершить далекое путешествіе. Волны заставили танцевать корабль, на которомъ я находился, а буря выла кругомъ меня. Я думалъ, что мы потонемъ, но матросы и капитанъ боролись съ бурей, и мы благополучно прибыли на мѣсто. Я знаю, что я долженъ скоро попасть въ кипятокъ, но это меня не страшитъ, это мой долгъ. Но при воспоминаніи объ этихъ темнокожихъ людяхъ, которымъ приходилось такъ тяжело работать въ зной и при воспоминаніи о пережитыхъ на морѣ опасностяхъ становится досадно, когда думаешь, что ты долженъ услаждать такого лѣнтяя“!

Затѣмъ рѣшился заговорить сахаръ, но хлѣбъ заявилъ.

„Позвольте же мнѣ сказать пару словъ. Я съ интересомъ слушалъ жалобу занавѣсъ, печки, угля, воды и чая. Но если кто имѣетъ право жаловаться на свою судьбу, то это я, такъ какъ сейчасъ этотъ бездѣльникъ запуститъ въ мою корку свои зубы. Я принужденъ питать того, кто ничего не дѣлаетъ, кто проглотитъ меня, не задумываясь ни на минуту о томъ тяжеломъ трудѣ, который пришлось затратить на меня, чтобы сдѣлать меня такимъ. Ахъ, мои дорогіе друзья, можетъ быть мой рассказъ будетъ длиннѣе вашего, но вѣдь не мало пришлось поработать, прежде чѣмъ я появился на этомъ столѣ, а вотъ теперь я долженъ исчезнуть въ желудкѣ этого бездѣльника.“

Хлѣбъ замолкъ, какъ будто запасаясь силами для длинной исторіи, которую онъ собирался рассказать.

Въ комнатѣ снова наступило тяжелое молчаніе, во время котораго лѣнтяй слышалъ только бѣненіе своего сердца, которое повторяло: „Я работаю, а ты нѣтъ; я работаю, а ты нѣтъ“.

Наконецъ голосъ этотъ замолкъ, такъ какъ хлѣбъ заговорилъ своимъ тихимъ, жалобнымъ, но яснымъ голосомъ:

„Сначала я былъ только зерномъ, но меня нельзя еще было прямо положить въ землю, такъ какъ ее нужно было сначала обрабатывать. Глубоко входилъ въ землю плугъ, оставляя на ней глубокія борозды. Впереди плуга шли, понуря головы, лошади, отмахиваясь хвостами отъ назойливыхъ мухъ, которыя роємъ кружились надъ ними. Лошади съ трудомъ тащили за собой тяжелую борону. За плугомъ шелъ крестьянинъ. Онъ поднялся на зарѣ и работалъ безъ устали, не обращая вниманія свѣтитъ-ли солнце, воетъ-ли вѣтеръ, собираются-ли тучи. Когда, наконецъ, землю достаточно обработали,

ей довѣрили сѣмена, которыя предались мирному сну. Здѣсь они спали до тѣхъ поръ, пока солнечные лучи проникли въ землю и пробудили ихъ къ свѣту и жизни. Какъ много пришлось поработать сѣмечку!

Корневая почка глубоко ушла въ землю, дѣятельно ища себѣ пищи; стебелекъ поднимался вверхъ, прокладывая себѣ путь между глыбами земли и камешками, пока онъ, наконецъ, не проникъ на поверхность земли. Съ каждымъ днемъ онъ становился больше, и на долю маленькихъ корешковъ выпало много работы. Наконецъ, появились колосья, которые несли въ себѣ новыя зерна. Солнце, вѣтеръ и дождь дѣйствовали совмѣстно, чтобы окрасить колосья въ прелестный золотистый цвѣтъ. А въ жаркій августовскій день явились жнецы, чтобы сжать хлѣбъ. Они не позволяли себѣ даже итти домой ѣсть и только въ полдень, когда жара особенно давала себя чувствовать, они ложились на землю отдохнуть на нѣсколько минутъ. И женщины оставляли на произволъ свое хозяйство, чтобы связывать колосья въ снопы, а дѣти не ходили въ школу, помогая имъ въ этой работѣ. Цѣлыя семьи работали въ палящій зной, собирая жатву. Но я еще все не былъ тѣмъ, что я есть. Нужно было работать на гумнѣ, чтобы выбить зерна изъ колосьевъ, и мельникъ долженъ былъ молотъ, а булочникъ мѣсить, прежде чѣмъ я попалъ въ печь. Чтобы сдѣлать меня достаточно хорошимъ и вкуснымъ, булочникъ сегодня не ложился. Цѣлый день онъ простоялъ передъ горячей печью, и я видѣлъ, какъ онъ былъ утомленъ и блѣденъ въ то время, какъ другіе успѣли отдохнуть. Цѣлый годъ пришлось работать, чтобы создать меня, а теперь я долженъ быть сѣденъ этимъ лѣнтяемъ. Развѣ для этого крестьянинъ надрывался въ дождь и жаръ? Развѣ для этого булочникъ не спалъ цѣлую ночь?“

Никто не отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Только сердце лѣнтяя снова застучало: „Я работаю, ты нѣтъ; я работаю, ты нѣтъ!“

Затѣмъ снова послышался жалобный голосъ. Онъ исходилъ изъ картины на стѣнѣ, которая сказала слѣдующее: „Воду, чай, хлѣбъ и угли еще не приходится такъ жалѣть; они только злятся. А вотъ мы, печь, занавѣсы и я, мы уже такъ давно здѣсь и должны такъ долго служить этому лѣнтяю. Ахъ, дорогіе друзья, если бы тотъ, кто сдѣлалъ меня, зналъ, что я здѣсь вишу, онъ залился бы горькими слезами. Вы всѣ рассказывали, сколько людей работало надъ вами, чтобы создать васъ, а надо мной работалъ только одинъ человѣкъ. Видите,

я не касаюсь рамы, въ которую я вставлена и красокъ, которыя были затрачены на меня. Я могу вамъ разсказать, какъ ломалъ себѣ голову художникъ, создавшій меня. Долго, долго думалъ онъ, прежде чѣмъ начать меня; долго, долго онъ рисовалъ меня въ своемъ воображеніи и только тогда, когда онъ ясно сознавалъ, чего онъ хочетъ, онъ приступилъ къ работѣ. Сегодня онъ уничтожалъ то, надъ чѣмъ работалъ вчера, потому что въ его воображеніи я представлялась ему постоянно красивѣе, постоянно лучше. Иногда у него являлось желаніе уничтожить меня совсѣмъ, не считая меня достаточно хорошей, но затѣмъ онъ снова работалъ надо мною часами, такъ какъ его рука могла создать то, что хотѣлъ умъ. Я часть человѣческой жизни; я самое лучшее, о чемъ благородный человѣкъ мыслить и чувствовалъ. Во мнѣ шевелится и живетъ работа ума и рукъ, и вотъ теперь я вишу въ комнатѣ этого бездѣльника. Каждый день онъ смотритъ на меня, и каждый день я напоминаю ему о трудѣ, но онъ ничего не дѣлаетъ и проводитъ свой день въ бездѣльничаньи.

„Никто не говоритъ съ нимъ яснѣе, чѣмъ я,“ замѣтила лежавшая на столѣ рядомъ съ хлѣбомъ газета. „Я не буду лучше говорить о томъ трудѣ, который былъ затраченъ на меня. Наборщики бодрствовали всю ночь, набирая строчку за строчкой, до тѣхъ поръ пока ихъ глаза не начали горѣть отъ постоянного напряженія. Я разсказываю этому бездѣльнику каждое утро о тѣхъ страданіяхъ, которыя существуютъ въ мірѣ, но онъ по прежнему остается глухъ и нѣмъ. Передъ его глазами разстилается туманъ лѣнности; его уши заткнуты ватой бездѣлья.“

Сердце лѣнтяя застучало еще сильнѣе: „Я работаю, ты нѣтъ; я работаю, ты нѣтъ.“

Желудокъ жалобно заговорилъ: „Я работаю на него цѣлый день; я перевариваю пищу, которую другіе готовятъ. Для чего все это, для чего?“

А сердце стучало: „я не успокаиваюсь ни на одну минуту; днемъ и ночью я разгоняю кровь по всему тѣлу; всѣмъ частямъ тѣла я даю необходимое питаніе: его мозгу, который думаетъ только о пріятномъ, его ногамъ, которыя не несутъ его ни къ какой работѣ, его рукамъ, которыя никогда ничего не дѣлаютъ для другого.“

„На что онъ употребляетъ ту силу, которую я доставляю ему?“

Услыхавъ эти голоса въ своемъ тѣлѣ, человѣкъ въ постели не могъ долѣе оставаться подъ одѣяломъ и однимъ прыжкомъ высо-

чилъ изъ постели. Онъ быстро началъ одѣваться, но шумъ отъ его движенія не заглушилъ, однако, голоса платья, которое жаловалось, что его создали съ такимъ трудомъ, а теперь его носитъ человѣкъ, который ничего не дѣлаетъ. Въ особенности жаловалась верхняя сорочка; она рассказывала, что всѣ эти складочки дѣлала бѣдная портниха, которая до изнеможенія работала надъ ними при тускломъ свѣтѣ лампочки.

Вода, которой лѣнтяй умывался, жужжала ему въ уши, рассказывая о кропотливомъ трудѣ; намыленное мыло тихо говорило ему, что оно результатъ тяжелаго и долгаго труда. Всѣ предметы сразу заговорили и всѣ эти голоса, соединившись, превратились въ жалобную, полную упрека пѣсню о трудѣ, тяжеломъ, истощающемъ и кропотливомъ.

Человѣку сдѣлалось стыдно и онъ задумчиво зашагалъ по комнатѣ. На дворѣ падалъ большими хлопьями снѣгъ. Вода въ чайникѣ перестала кипѣть, такъ какъ спиртовка погасла. Угли перестали трещать и начали тлѣть. Всюду наступила полнѣйшая тишина, но въ этой тишинѣ раздавался только голосъ совѣсти, который приказывалъ лѣнтяю работать.

Дѣти слушали тетю съ напряженнымъ вниманіемъ; они продолжали еще молча сидѣть и послѣ того, какъ тетя кончила свой рассказъ.

Наконецъ Вильгельмъ спросилъ:

„А потомъ, тетя?“

„Дальше ничего нѣтъ, моя сказка кончена, дѣти.“

„А началъ онъ потомъ работать?“, спросилъ Гансъ.

„Конечно“, отвѣтила твердо тетя.

„А съ тѣхъ поръ вещи въ его комнатѣ больше не заговаривали съ нимъ?“

„Говорили, но не такъ, какъ тогда, когда онъ бездѣлничалъ.“

Дѣти снова замолкли, оглядывая комнату такъ, какъ будто всѣ предметы сразу получили для нихъ другое значеніе.

„Какъ странно, тетя, думать, что ты сидишь среди работы“, сказала Бетти.

„Съ каждымъ кусочкомъ хлѣба попадаетъ въ ротъ и кусочекъ работы“, замѣтила Кора.

„И когда ты пьешь молоко, то ты пьешь также работу“, встала тетя.

„Тетя“, началъ снова Гансъ, работать — вѣдь это очень хорошо!“

„Да, мой мальчикъ, и вдобавокъ очень пріятно. Замѣтите, дѣти, вы еще не можете этого понять, такъ какъ вы еще слишкомъ малы, но я старше васъ и знаю, что трудъ—хорошій другъ человѣка. Каждый взрослый человѣкъ имѣетъ въ жизни горе“, сказала тетя Рика тихимъ голосомъ, устремивъ свой взглядъ въ пространство. „Но въ такихъ случаяхъ трудъ является для него сильной опорой, помогающимъ и утѣшающимъ другомъ. Поэтому вы должны научиться уважать его, тогда онъ позднѣе будетъ уважать и васъ“.

„Тетя“, спросила самая младшая съ большими голубыми глазами, „у папы тоже было большое горе, когда мамочка умерла?“

„Да,“ отвѣтила тетя, взявъ ее къ себѣ на колѣни и запечатлѣвъ на ея маленькой свѣтлой головкѣ поцѣлуй, „да, у него было большое горе, но тогда онъ еще больше сталъ работать, чтобы прокормить всѣхъ васъ“.

„О, тетя“, заявилъ вдругъ съ необыкновенной нѣжностью Вильгельмъ, самый старшій изъ нихъ, „когда я вырасту, и папа будетъ старъ и не сможетъ заботиться о насъ, я буду тогда работать на него и на тебя.“

„Ты хорошій мальчикъ“, возразила тетя, ущипнувъ племянника за пухлые красныя щечки.

„И я тоже буду помогать“, воскликнула Кора.

„И я, и я“, закричали всѣ остальные.

„Ну, тогда намъ будетъ хорошо,“ разсмѣялась тетя. За то, что вы такъ о насъ заботитесь, я угощу васъ тоже сегодня вечеромъ кое-чѣмъ. Кто изъ васъ хочетъ шоколаду?“

Это вызвало всеобщій восторгъ. И въ то время, когда всѣ были поглощены ѣдой, Бетти замѣтила:

„Тетя, этотъ кусочекъ работы прекрасенъ на вкусъ“.

Желаніе маленькаго мальчика.

Нѣтъ, каска меня не прельщаетъ,
Не хочу я сабель, ружей,
Индѣецъ ружья не имѣетъ
Стрѣляетъ изъ лука звѣрей,
Дерется копьемъ со врагами,
Иль быстро летитъ на конѣ,
И сдѣлаться этимъ индѣйцемъ
Ужасно хотѣлось бы мнѣ.

Е. Богряновская.

Ну-ка рагадайте.

Загадки:

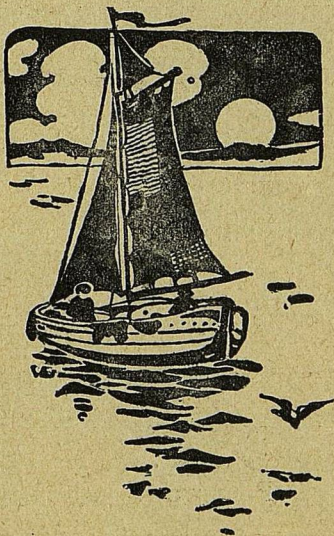
23. Съ легкостью снесетъ сто сноповъ, а самый малый камешекъ уронить.

24. Когда волкъ больше всего страдаетъ отъ зубовъ?

25. Похожа на кота, а все-таки не котъ?

26. Какое чувство слѣдуетъ прибавить къ пяти чувствамъ человека?

Сдѣлайте изъ хлѣба или замазки подкову и постарайтесь двумя прямыми разрѣзами, раздѣлить ее на 6 частей.

Премію объявленную въ № 3 журнала за лучшіе рисунки получаютъ слѣдующія лица:

1. Сергѣй Николаевъ.
2. Алеша Снѣсаревъ.
3. Магда Унанова.
4. Леонидъ Кондратьевъ.
5. Володя Чекуновъ.
6. Н. Силичева.
7. С. Яблоковъ.
8. Маня Головачева.
9. О. Кондратьевъ.
10. Рисунокъ присланъ безъ фамиліи. Нарисованъ контуромъ на большомъ листѣ плотной бумаги и покрытъ листкомъ папирсной бумаги. Чей это?

Остальные подписчики, приславшіе рисунки, очевидно не поняли задачи, т. к. перерисовали цѣликомъ страницу журнала, оставивъ всѣ фигуры и предметы на тѣхъ же мѣстахъ.

Преміи будутъ разосланы при слѣдующемъ номерѣ.

Рѣшеніе загадокъ.

13. Тайна.
14. Когда въ немъ дыра.
15. Сургучъ.
16. Потому что ихъ даромъ не даютъ.
17. Звукъ.
18. Яма.

Редакторъ-издатель *Н. И. Фиделли.*

Продолжается Подписка

на **НОВЫЙ** популярно-образовательный и литературно-художественный иллюстрированный
журналъ для **ДѢТЕЙ** 9—12-лѣтняго возраста,

„ДѢТСКІЙ МІРЪ“

Журналъ ставитъ своей задачей оказывать нравственное вліяніе на зарождающееся сознаніе молодыхъ читателей и удовлетворять запросы пытливаго дѣтскаго ума о различныхъ явленіяхъ внѣшняго міра.

Въ программу журнала входятъ: повѣсти, рассказы, стихотворенія, популярныя статьи по гигиенѣ, зоологіи, ботаникѣ, физикѣ, химіи, механикѣ (опыты и задачи), біографіи ученыхъ, художниковъ, писателей, общественныхъ дѣятелей; легкія музыкальныя произведенія; шутки, загадки, ребусы и пр.

Журналъ помѣщаетъ повѣсти рассказы, только взятые изъ жизни, и избѣгаетъ страшныхъ сказокъ и всего неестественнаго, что можетъ вредно отзываться на нервной системѣ дѣтей.

Религіозные вопросы журналъ освѣщаетъ преимущественно со стороны точнаго толкованія Евангелія.

Журналъ держитъ дѣтей вдали отъ политическаго движенія страны; на запросы же своихъ читателей отвѣчаетъ, придерживаясь идей всеобщаго равенства.

Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяць безъ всякихъ приложеній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ 3 рубля съ пересылкой, допускается разсрочка по 1 рублю при подпискѣ, 1-го марта и 1-го іюня.

Контора Редакціи: Москва, Мясницкая, 35. Тел. 94-02.

Секретарь Редакціи принимаетъ по понедѣл. и средамъ отъ 1 до 3 ч. дня.

Редакторъ-Издатель Н. И. ФИДЕЛЛИ.

